

УДК 398.21
ББК 82.

МУЖСКАЯ СКАЗОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ В РОССИИ: СКАЗОЧНЫЙ КАНОН И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ НАЧАЛО (XIX — XXI ВВ.)

ВАРВАРА ЕВГЕНЬЕВНА ДОБРОВОЛЬСКАЯ

(Государственный Российский Дом народного творчества имени В. Д. Поленова:
Российская Федерация, 101000, г. Москва, Сверчков пер., 8, стр. 3)

***Аннотация.** В статье рассматриваются изменения, произошедшие с мужской традицией исполнения сказок. Анализ материала показывает, что в XIX в. среди сказочников преобладали мужчины. Для их исполнительской манеры была свойственна тенденция к импровизации в рамках сказочного канона, и лишь отдельные исполнители выходили за рамки предписанных жанром границ и создавали свои, зачастую крайне далёкие от сказочного эталона, тексты. Подобная исполнительская манера была направлена на развлечение широкой аудитории, преимущественно взрослого населения, а зачастую и исключительно мужской его части, что формировало и особую манеру исполнения, внимание к деталям, своеобразную новеллизацию и бытовизацию сказки, внимание к психологии героев и т. д. Ядро репертуара этих сказочников передавало местную живую традицию, хотя именно мужчины приносили в сказку новые инорегиональные или книжные сюжеты. В настоящее время мужчин-сказочников стало намного меньше. Появилась группа сказочников, рассказывающих сказки со сцены. Их репертуар неоднороден по своему происхождению, его источниками в большой степени являются, с одной стороны, книги, фильмы, радио- и телепостановки, с другой — архивные и экспедиционные записи, научные публикации сказок. В то же время для многих носителей традиции рассказывания сказки изменилась цель исполнения. В этом случае сказка становится средством самоидентификации, средством утверждения принадлежности себя и своей аудитории к определённой этносоциокультурной группе и традиции.*

***Ключевые слова:** сказочная традиция, исполнительское мастерство, мужское исполнительство, сказочный репертуар.*

Ещё в 1928 г. Александр Исаакович Никифоров в своей работе «Сказка, её бытование и носители» отметил, что надо различать бытование сказки среди мужчин и среди женщин, но заметил, что «трудно говорить, насколько сильна и в чём сказывается эта разница» [Никифоров 2008, 41]. Никифоров называет несколько причин, затрудняющих выявление этих различий. Главной проблемой, с его точки зрения, является то, что «вопросы о бы-

товании русской сказки и её носителей очень слабо освещены собирателями» [Никифоров 2008, 36]. Заметим, что статья была опубликована в 1928 году, когда работы, связанные с личностью сказочника, уже не были редкостью. Ещё в 1864 г. М. И. Семевский опубликовал статью, посвящённую сказочнику Ерофею [Семевский 1864, 485–498], в 1895 г. В. В. Лесевич написал статью о сказочнике Р. Ф. Чмыхайло [Лесевич 1895, 9–22]. Начиная

с 1908 г., после выхода в свет сборника Н. Е. Ончукова, становится принятым располагать сказочный материал внутри сборников по сказочникам, а во вступительной статье и комментариях приводить биографические данные и характеристики исполнителей [Ончуков 1908, Зеленин 1914; Зеленин 1915; Соколовы 1915]. Появляются работы, посвящённые личности сказочника [Макаренко 1912, 351–381; Каллиников 1915, 242–272; Козырев 1912, 297–308]. С 1925 г. становится популярным и считается «идеологически верным» обращаться к творчеству отдельных сказочников, публиковать записанные от них сказки и давать детальный анализ стиля и композиции сказочных текстов. Впервые подобную работу провёл М. К. Азадовский, обратившись к творчеству Н. О. Винокуровой, а затем в 1932 г. подготовив двухтомник «Русская сказка. Избранные мастера», в котором давались подробные характеристики исполнителей [Азадовский 1925, 67–142; Азадовский 1932]. Перед войной появляются сборники выдающихся русских сказочников Винокуровой, Коргуева, Магая, Ковалёва с комментариями исследователей [Азадовский 1938; Гофман, Минц, 1941; Нечаев 1939; Элиасов, Азадовский 1940]¹.

Однако в этих, ставших уже классическими, работах объектом исследования становятся преимущественно мужчины-сказочники. В сказочных сборниках этого времени женщин, которых можно считать не простыми передатчицами текстов, а действительно выдающимися сказочницами, единицы. Так, в сборнике М. К. Азадовского «Русская сказка. Избранные мастера» [Азадовский 1932] из 15 сказочников только три женщины: Наталья Михайловна Дементьева, Анна Куприяновна Барышникова и Наталья Осиповна Винокурова. Если мы обратимся к сборникам XX в., посвящённым творчеству одного сказочника, то и здесь женщин будет немного. Это уже упомянутый

сборник М. К. Азадовского, посвящённый сказочнице Н. О. Винокуровой, сборники сказок А. К. Барышниковой, А. С. Кожемякиной, А. Н. Корольковой, М. Д. Кривополеновой [Азадовский 1925; Барышникова 1939; Кожемякина 1968; Кожемякина 1973; Королькова 1941; Королькова 1969; Кривополенова 1950].

Практически до третьей четверти XX века, говоря о сказочниках, исследователи пишут именно о мужской традиции рассказывания сказок.

Можно было бы предположить, что женщины-сказочницы не привлекают внимания исследователей прежде всего потому, что относятся к группе передатчиков текста, то есть просто рассказывают услышанные ими сюжеты с большей или меньшей полнотой. И их тексты включены в сборники, чтобы показать общесказочный репертуар. Однако анализ сборников говорит о том, что ситуация с женщинами-сказочницами иная. В уже названном выше сборнике М. К. Азадовского «Русская сказка. Избранные мастера» приведены материалы трёх сказочниц. Все три женщины — совсем не простые передатчицы текста. Наталья Осиповна Винокурова является одним из выдающихся представителей реально-психологического направления в русской сказке. Её тексты — это образец женского репертуара, где личное начало переплетается с традиционной поэтикой, её сказки наполнены «тонким, психологическим чутьём» [Азадовский 1932, 372]. И хотя «преобладание реально-психологических интересов заметно отразилось на ослаблении внимания к фабульной стороне и внешней структуре сказки» [Азадовский 1932, 375–376], Наталью Осиповну никак нельзя отнести к сказочникам-передатчикам: её текстам свойственна импровизация, внимание к психологии героев, насыщение текста реалиями сибирского быта.

Анна Куприяновна Барышникова, от которой записано 56 сказочных текстов,

¹ После войны подобные издания также появляются, достаточно назвать сборники сказок Новопольцева и Магая [Померанцева 1952; Сороковиков-Магай 1968]. Вероятно, последним изданием подобного типа является блистательный сборник Е. И. Шестиной, посвящённый сказочнику Дмитрию Асламову [Шестина 1991]. Отчасти изданием подобного рода можно считать сборник сказок тверского сказочника П. И. Акулова, хотя его творчество занимает промежуточное положение между фольклорной традицией и индивидуальным творчеством наивного автора [Акулов 1997].

также вряд ли может считаться простым передатчиком. Как писал Азадовский, «она должна бы занять одно из первых мест в мире русских сказочников» [Азадовский 1932, 134]. Однако, несмотря на разнообразие её репертуара, тексты у неё короткие, хотя сказочная обрядность представлена в них богато и ярко. Принято считать, что часть сказок она усвоила из «школьных книжек и рассказов для детей», часть от отца. Не вполне ясно, на основании чего Н. П. Гринкова, а за ней и другие исследователи, утверждают, что сказочница ничего в сказках не меняла, всё «взято от учителя и в готовом виде» и в устах сказочницы выглядит «как-то мало уместным» — поскольку записей от отца, Куприяна Леонтьевича Колотнева, не делалось, как, впрочем, и сопоставительного анализа литературных текстов, которые оказали влияние на репертуар сказочницы. При этом сама же исследовательница отмечает, что Куприяниха «рассказывает сказки с соблюдением всей “обрядности”»; понимает рассказывание как художественную передачу известного ей сюжета. Все действующие лица сказки говорят особым голосом, всегда отличишь, басит ли это Иван-дурак, говорит ли с чувством, с толком, с расстановкой Иван-царевич или какой-нибудь другой герой» [Гринкова 1926, 81–98]. Анна Куприяновна не пассивная передатчица, она — мастер, имеющий свой стиль и индивидуальность, одна из представителей того исполнительского направления, которое связано со сказочниками-балагурами, то есть профессиональными исполнителями сказок.

Наталья Михайловна Дементьева, которая была «едва ли не лучшей» [Ончуков 1998, 230] сказочницей Ончукова, также вряд ли может считаться простой передатчицей сказок. Она была носительницей

чисто мужского репертуара. Её сказки «совершенно невозможны для печати: они очень интересны и остроумны, но чересчур порнографичны, до цинизма» [Ончуков 1998, 230].

Подобная ситуация не уникальна. Анализ классических сказочных сборников показывает, что наряду с простыми передатчицами сказочных сюжетов среди женщин-исполнительниц конца XIX — начала XX века были выдающиеся сказочницы, причём разных типов: классики, эпики, импровизаторы, балагуры и т. д. Но их действительно мало, по сравнению со сказочниками-мужчинами². И в сравнении с их репертуаром мужской был богаче и интересней, а исполнительская манера — профессиональней и разнообразней.

Думается, что связано это, прежде всего, с теми, кто сказки собирал. В дореволюционный период женщины-собираательницы крайне редко встречаются среди корреспондентов Тенишевского бюро и Русского географического общества. После революции ситуация начинает меняться, но до войны среди фольклористов всё ещё преобладают собиратели-мужчины. Однако в послевоенное время женщины начинают стремительно завоёвывать право собирать и изучать сказки. Поскольку правила экспедиционной работы предписывают работать со всем половозрастным составом населения, то кажется, что особой разницы в том, кто собирает сказки, нет. Однако чем больше среди собирателей сказок женщин, тем больше их оказывается и среди исполнителей³.

Понятно, что история XX века не способствовала сохранению мужчин вообще и мужчин-сказочников в частности, а отношение к фольклористике сделало её непривлекательной для мужчин (как и многие другие области гуманитарного

² Заметим, что среди сказочников-мужчин также было немало простых передатчиков сказочных тестов, которые узнавали сказки на отхожих промыслах, в армии или тюрьме. От таких передатчиков записано немало по современным меркам текстов. Так, например, от Петра Ивановича Власова Д. К. Зеленин записал 8 сказок, которые тот узнал на воинской службе. Исследователь отмечает, что сказочник «рассказывает сказки, словно как заученные, чётко. Собственным красноречием не отличается» [Зеленин 2015, 317].

³ Достаточно обратиться к публикациям последних лет, посвящённым сказочникам. Хотя исследования творческого наследия сказочников в последнее время единичны, но гендерный состав как исследователей, так и исследуемых показателен: среди собирателей и исследователей сказки, как и среди исполнителей, доминируют женщины [Боганёва 2011, 5–8; Бунчук, Шевченко 2011, 11–15; Бунчук, Шевченко 2012, 51–54; Добровольская 2015, 57–69; Добровольская 2017, 19–27; Лызлова 2011, 8–11; Лызлова 2013, 5–45].

знания, которые ещё в начале XX в. были преимущественно мужской сферой деятельности). Но всё-таки приходится признать и правоту А. И. Никифорова, который писал, что «женщина-крестьянка очень неохотно идёт навстречу рассказам мужчин» [Никифоров 2008, 41].

Но и мужчины-сказочники оказываются вне поля зрения учёных. И не только потому, что от кого-то из них не записаны сказки. Мимо нас проходит материал, который в ряде случаев мог внести серьёзные уточнения и в оценку сказочной традиции, и в исследование исполнительской манеры, и в оценку существования сказочников и сказочной традиции на территориях, считающихся «несказочными», и т. д.

Так, например, в архиве Русского географического общества в делах 119 ряда под № 55 находится тетрадь, в которой представлены сказки, записанные В. И. Смирновым от Феоктиста Михайловича Абашенкова из д. Новосёлки Брянской губернии. На момент записи сказок Абашенкову было 22 года, он был весёлым человеком, «щупленький — он не отличался хорошим здоровьем» [Подробнее о сказках Ф. М. Абашенкова см.: Добровольская 2015а, 9–11]. Записанные от него сказки представляют собой объёмные, полноценные тексты, отличающиеся своеобразной манерой исполнения. В данном случае мы имеем дело со сказочником-импровизатором и явно с классическим вариантом сказочника-профессионала: он слаб здоровьем, имеет невзрачный вид, рассказывает сказки на воинской службе, чтобы развлечь сослуживцев.

На самом деле это типичный вариант мужчины-сказочника конца XIX — начала XX в.: профессиональный исполнитель, развлекающий взрослых людей. Заметим, что этот сказочник является уроженцем территории, которая считается «несказочной», и о сказках данной традиции, мы знаем лишь по собранию Иосифа Фёдоровича Каллиникова, 570 сказок которого собраны преимущественно до 1914 г. [Каллиников 1917]. Абашенков же — сказочник следующего поколения.

Довольно долго потребность, так называемый «запрос общества», в сказочниках-профессионалах была довольно велика. Такие сказочники имели профессиональную, разную манеру исполнения, разный репертуар, свободно импровизировали с текстом (и редкие повторные записи об этом свидетельствуют). Недаром именно сказка стала единственным прозаическим фольклорным жанром, который в 20–30-х гг. XX в. исполнялся со сцены. И вот здесь сказочницы стали появляться в намного большем количестве, чем раньше, причём теперь вместе с мужчинами и наравне с ними. Очевидно, это не случайно⁴.

Исполнение сказок со сцены накладывало определённые ограничения на репертуар, на манеру исполнения и т. п., что делало сказочника уже профессиональным исполнителем сказочного текста. К сожалению, у нас имеются лишь редкие повторные записи выступлений сказочников, но и они показывают, что выступления на сцене, прежде всего, уничтожают импровизационное начало, которое заменяется строгим следованием некоему эталонному тексту. Исполнитель сказки становится своеобразным участником конкурса чтецов, а не творцом сказочного текста. Вопрос о творце текста и передаче текста обсуждается на протяжении многих десятилетий, но совершенно очевидно, что если сказочник с текстом не импровизирует, то он его и не творит, а просто пересказывает известный ему сюжет.

С течением времени сказочников-профессионалов записывалось меньше, а их гендерный состав менялся. Ближе к концу XX века в этой группе стали преобладать женщины. Причина этого отчасти в том, что мужчины рассказывали сказки для развлечения взрослых членов деревенского социума, с этой задачей теперь более или менее успешно справлялись кино, телевизор, радио, отчасти книги, газеты и журналы.

Для женщин же сказка становилась своеобразным способом самовыражения и самореализации творческой природы.

⁴ Как показывают опросы, современный человек связывает сказку уже с женщиной: бабушкой, мамой, няней и т. д. Недаром для широкого круга людей главные сказочницы — это Арина Родионовна и ключница Пелагея. В кино сказка тоже связывается с женщиной. Прекрасные актрисы А. П. Зуева и М. И. Бабанова создали образы сказочниц.

Они всё больше и больше стремились к «актёрскому» исполнению сказки: детям в детских садах, со сцены в сельских клубах и т. д. Из их репертуара стремительно вымывались классические волшебные сказки, которые просто не пригодны для этих целей. Появились мастера исполнения сказок о животных, как для детской аудитории, так и для взрослых.

В то же время ещё оставались классические сказочники-профессионалы. И среди них были мужчины, хотя их уже было не большинство. Такими сказочниками были Андрей Семёнович Валов из Кировской области⁵ и Михаил Иванович Ферулин⁶ из Ульяновской области. Согласно научным источникам, репертуар у них небольшой, но, скорее всего, дело в том, что в силу экспедиционных обстоятельств он зафиксирован не полностью. В их репертуаре представлены волшебные и бытовые сказки, а также анекдоты.

Будучи сказочниками-профессионалами, они предпочитали классические волшебные сказки, позволяющие увлечь слушателей и показать мастерство исполнителя. Рассмотрим, как один сказочный сюжет (СУС 531 «Конёк-Горбунук») реализуется в творчестве двух этих сказочников. Как известно, сюжетный тип 531 относится к группе наиболее распространённых в русской сказочной традиции сюжетов. Согласно указателю «Восточнославянская сказка», на 1979 г. опубликован 51 вариант этой сказки. К настоящему времени публикаций существенно больше, выявлены и неопубликованные записи этой сказки, хранящиеся в архивах. Данный сюжет формировался на русской почве под влиянием нескольких источников, прежде всего лубочных текстов⁷ и книги П. П. Ершова «Конёк-Горбунук». Эти источники оказали существенное влияние на народные версии этого

сюжета второй половины XIX — XX веков. И. П. Лупанова в своей работе доказывала существование доершовской версии сказки [Лупанова 1959, 211-218]. Её материалы позволили ей сделать вывод о наличии в русской традиции народной версии данного сюжета. Однако анализ текстов, имеющихся в нашем распоряжении, позволяет говорить о неустойчивости структуры данной сказки, включении в неё дополнительных мотивов, не свойственных инвариантной схеме⁸. К концу XX в. «Конёк-Горбунук» становится одним из популярнейших сюжетов фольклора, используемых массовой культурой. По сказке снят фильм (1941), мультфильмы (1947 и 1975), диафильм, существует множество литературных изданий, книг-раскрасок, марок, балетных постановок и т. д. Книга Ершова популярна, и многие сказочники вставляют в свои сказки фрагменты стихотворного текста. Казалось бы, оба сказочника вполне могут идти в русле этих тенденций, поскольку записи от них сделаны в то время, когда влияние книг и средств массовой информации на фольклорную традицию было нередким явлением⁹. Однако и с М. И. Ферулиным, и с А. С. Валовым ситуация иная.

А. С. Валов соединяет сюжет «Конька-Горбунка» с другой сказкой, где также появляется чудесный конь — с «Сивко-Бурко» (СУС 530). В его варианте нет златогривой кобылицы, которая топчет пшеницу и, будучи пойманной героем, дарит ему чудесного конька. У Андрея Семёновича топчет поле сам Конёк-Горбунук: «Коньку-Горбунку понравилось во пшеницу ходить. Ночь пройдёт, пшеница поедена-потоптана». Иван-дурак ловит конька, и тот выкупает свою свободу обещанием «добрую услугу сделать». Затем сказка развивается по сюжетному

⁵ Андрей Семёнович Валов, 1915 г. р., уроженец с. Валовы, проживает в д. Шалагиновы Котельничского района Кировской области. Архив кафедры устного народного творчества МГУ им. Ломоносова (Эксп. 1991, лето). Текст опубликован [Добровольская 1992, 27–28].

⁶ Михаил Иванович Ферулин. Запись от 16.06.1985, с. Репьёвка Новоспасского района Ульяновской области. Экспедиция УлГПИ им. И. Н. Ульянова. МК №11. Ф. 10 85 11. 1 сторона. В настоящее время УлГПУ им. И. Н. Ульянова (автор выражает глубочайшую благодарность М. Г. Матлину за любезно предоставленные материалы).

⁷ Первая лубочная публикация этой сказки приведена в сборнике «Старая погудка на новый лад...», вышедшем в 1795 г. [Старая погудка 1795 / I, 3–36].

⁸ Соотношение народных вариантов с текстом Ершова и лубочными изданиями подробно проанализировано К. Е. Кореповой [Корепова 2012, 283–332].

⁹ Запись от М. И. Ферулина сделана в 1985 г., от А. С. Валова — в 1991 г.

типу Сивка-Бурка, где вместо чудесного богатырского коня Сивки-Бурки действует волшебный Конёк-Горбунок. Несмотря на то, что данный текст представляет собой своеобразную контаминацию сюжетов, он свидетельствует не о забывчивости сказочника и плохом знании им традиции, а о мастерстве и творческой одарённости исполнителя. Сказочник свободно владеет текстом, соединение сюжетов органично, логика повествования не нарушена. Видно, что сказку рассказывали неоднократно, сказочная обрядность соблюдена, свободная импровизация с текстом совершенно очевидна.

У М. И. Ферулина текст более каноничен. Сказочник подробно рассказывает, как братья ходили сторожить поле: «Пошёл первый, старший брат караулить. Пошёл, походил там и на село. Приходит к своей девчонке и проводит там всё ночь. Идёт к утру и говорит: — Эй. Вы сонные тетери, отворяйте окна-двери, я, — говорит, — замёрз, а вы все тут спите». Формула «сонные тетери» — единственный элемент, в котором очевидно прямое влияние Ершова. Хотя опосредованных влияний авторского текста на текст сказочника существенно больше. Так, рассказывая, как Иван сторожит поле, сказочник говорит: «Приходит, ложится, значит, спать его начинает валить. Он, значит, что же. Берёт горбушку, начинает жевать. Ел, ел, ел — всё, никого нет. Съел хлеб, эту горбушку, его опять пуще прежнего начинает валить. Он кверху уставился и давай считать звёзды на небе». Безусловно, влияние П. П. Ершова здесь очевидно: «Поле всё Иван обходит / Озираючись кругом, / И садится под кустом: / Звёзды на небе считает, / Да краюшку уплетает». Однако, в отличие от многих других исполнителей, Михаил Иванович не просто заимствует стихотворный текст, а пересказывает его, не нарушая язык сказочного повествования.

Текст представляет собой прекрасный вариант сказки, в котором есть и перо Жар-Птицы, и происки старшего конюха. Сказочник легко и непринуждённо владеет текстом, прекрасно знает традицию и не стремится соответствовать книжной версии. Он использует формулы, свойственные, скорее, лирическим жанрам. Когда братья крадут у Ивана

коней — «Ванюшка хватился поутру. Пришёл, глядит — коней-то нет. Заплакал, так горько-слёзно» — Михаил Иванович рассказывает свой текст, создавая его по ходу рассказа, что видно из формул-остановок: «ну так», «он, значит, что ж» и т. д. Совершенно очевидно, что данный текст не ограничен какими-то внутренними цензурными рамками, сказочник рассказывает так, как он привык. Это рассказ для своих, хотя на момент записи слушатели для сказочника были чужими, малознакомыми людьми. Но этим и отличается профессиональный сказочник от простого передатчика. Он умеет увлечь своим рассказом не только знакомых, но и незнакомых людей.

Однако и М. И. Ферулин, и А. С. Валов на момент записи были представителями уже исчезающего типа профессиональных сказочников-мужчин. В настоящее время мы практически не фиксируем таких сказочников. Нишу профессиональных сказочников довольно уверенно заняли женщины, для которых сказка стала средством раскрытия своего творческого потенциала, раскрытия артистической натуры, средством завоевания определённого статуса в обществе. В традициях, где развита песенная культура, человек поёт в хоре, но, не имея богатых вокальных данных, там он может быть на вторых ролях. Сказка же — всегда индивидуальное выступление и индивидуальный высокий статус в деревенском социуме. Причём в настоящее время статус формируется не потому, что тебя ценят как сказочника односельчане, а потому что тобой как сказочником интересуются либо местные работники культуры, либо приезжие учёные из Москвы, Санкт-Петербурга или других крупных городов; тебя могут показать на местном телевидении, привлечь к выступлению на районном фестивале или смотре и т. д. Но именно такое внимание «чужих» приводит к тому, что сказочник начинает создавать самостоятельный текст, то есть импровизирует не в рамках традиции, а по её мотивам. Сказка из фольклорного текста превращается в текст самостоятельного творчества. Надо признать, что женщины склонны к этому больше, чем мужчины. Такой сказочницей, создающей свои тексты, была Ефимия Григорьевна Падкина из с. Гонабилово Судогодского района Владимирской

области [Добровольская 1999, 154-177], такой является Зоя Тимофеевна Соболева из п. Приволжский Кимрского района Тверской области.

Однако в настоящее время появляется тип сказочников, для которых сказка ценна не сама по себе, а как связь с родиной, как средство самоидентификации, как указание на определённую этническую принадлежность. Чаще всего такими сказочниками становятся относительно молодые люди. И среди них немало мужчин.

Одним из них стал Александр Геннадьевич Васильев¹⁰. От него был записан богатый этнографический материал: описания похоронного обряда, лечебные практики, сведения о народном календаре, мифологическая проза и несколько песен, но основной корпус музыкального фольклора был записан от него в рамках работы с хорами, поскольку «казаки в одиночку не поют». Мы работали с Александром Геннадьевичем несколько дней. Когда мы уезжали, он пошёл нас провожать. И в ожидании автобуса упомянул, что во время застолий у казаков было принято рассказывать сказки, одна из которых — «Плёточка-живилочка» — и была от него записана. Это народный анекдот о хитрых и ловких людях, представляющий собой традиционную контаминацию сюжетных типов СУС 1539 «Шут» и СУС 1535 «Дорогая кожа». В 2016 г. была сделана повторная запись¹¹.

Сравнение этих записей показывает, что исполнитель прекрасно понимает принцип функционирования сказочного текста. В зависимости от обстоятельств сказочник сворачивает или разворачивает текст, наполняет его деталями или убирает их. Текст в обоих случаях был рассказан очень артистично, наполнен множеством деталей, указывающих на местную специфику. Так, герой привозит плёточку-живилочку «с ярмарки из Урюпина», неожиданное появление героя после его «утопления» видит становой атаман, жена героя отказывается печь ему «блинцы» и т. д. Рассказ наполнен комическими уточнениями. Так, жена героя, которую оживляет чудесная плётка, перед тем как ожить, «делает ножкой дрык-дрык-дрык».

Когда Александру Геннадьевичу был задан вопрос о других сказках, он перечислил довольно много сюжетов. Все эти сказки рассказывала его бабушка. Это «Лутонюшка», «Красная шапочка», «Иван-царевич и серый волк» и другие. Однако на просьбу их рассказать он ответил отказом, мотивируя это тем, что такие сказки рассказывали детям пожилые женщины, а не мужчины на застольях, а кроме того, «я сказки рассказывать не умею». Этот аргумент на самом деле очень важен. Для Александра Геннадьевича сам по себе текст не играет никакой роли: ему не нужны художественные особенности, сюжетное построение, он не стремится заинтересовать слушателей «актёрской игрой», он рассказывает текст не для того, чтобы развлечь слушателей. Ему важен контекст бытования текста: казаки на застольях рассказывали сказки, а он их слушал и может повторить, причём он считает, что такое рассказывание — отличительная особенность именно казачьей культуры. Другие тексты не связаны у него с казачьим контекстом и поэтому ему не интересны.

Однако для Александра Геннадьевича знание этого текста является показателем принадлежности к казачеству, и он рассказывает его со сцены на концертах, в школах и детских садах, на мероприятиях, связанных с казачьей культурой. В данном случае текст приспособливается исполнителем для сцены. К сожалению, в нашем распоряжении нет записей такого исполнения Александром Геннадьевичем этой сказки, но совершенно понятно, что для детской аудитории он должен убирать особо острые эпизоды, а концерт требует определённого сокращения времени. И, видимо, первая запись сказки близка к концертному варианту.

Ещё один аспект рассказывания сказки мужчинами связан именно со сценическим исполнением этого жанра. В настоящее время появляется всё больше и больше исполнителей, рассказывающих текст сказок со сцены, и этими исполнителями всё чаще становятся

¹⁰ Александр Геннадьевич Васильев, 1967 г. р., уроженец х. Яменский, в настоящее время проживает в ст. Алексеевская (Архив ГЦРФЭ: 2015-34-1).

¹¹ Архив ГЦРФЭ: 2016-34-1.

именно мужчины. У них довольно богатый репертуар. Так, например, в рамках одного выступления Александр Маточкин рассказал семь сказок («Про зелёного деда»; «Про Ваню дурака»; «Про чаечку»; «Как волк песни пел»; «Как пастух телёнка искал»; «Как Ванька охотился»; «Про загадки царевне»), а Вячеслав Печняк — девять («О протупее прапорщике»; «Про бабу ягу»; «Про солдата»; «Хорошо, да не шибко»; «Луна или мисяц»; «Про Сулима»; «Как мужик с женой у барина деньги украли»; «Как муж жену лечил»; «Щей ворожей доктор»). В репертуаре и того, и другого есть и другие сказки. Но при том, что тексты либо взяты из классических сборников, либо записаны в рамках экспедиционной работы, они не принадлежат одной традиции, это сборные репертуары. Сказочники прошлого могли пополнять свой репертуар на отхожих промыслах или в армии, а также брать сказки из книг¹², то есть осваивать сказки других традиций. Однако при этом у них был и свой региональный репертуар, в который добавлялись новые сказки. У современных же исполнителей-мужчин весь репертуар формируется из текстов разных традиций. А вот женщины в подобных случаях зачастую придерживаются именно регионального репертуара. Характерным примером в данном случае является Е. Н. Буйко из семьи потомственных сказочников Невельского района Псковской области, которая рассказывает со сцены сказки своей прабабушки, деда и бабушки.

Как видно из приведённого материала, традиция исполнения сказок мужчинами изменилась. Раньше среди сказочников (или, точнее, среди зафиксированных соискателями исполнителей сказок) преобладали мужчины, многие из которых были профессиональными исполнителями. Для их исполнительской манеры была свойственна тенденция к импровизации в рамках сказочного канона, и лишь отдельные исполнители выходили за рамки предписанных жанром границ и создавали свои, зачастую крайне далёкие от сказочного эталона тексты (см., например,

сказки А. К. Кошкарова (Антон Чирошник)). Подобная исполнительская манера была направлена на развлечение широкой аудитории, преимущественно взрослого населения, а зачастую исключительно мужской его части, что формировало и особую манеру исполнения, внимание к деталям, своеобразную новеллизацию и бытовизацию сказки, внимание к психологии героев и т. д. Ядро репертуара этих сказочников передавало местную живую традицию, хотя именно мужчины привносили в сказку новые инорегиональные или книжные сюжеты. Мужчины-сказочники преобладали среди носителей «общественного» исполнения сказок (а не исполнения их для развлечения детей или разновозрастных членов собственной семьи).

В настоящее время функция общественного исполнения сказок если и сохраняется в какой-либо форме, то практически полностью связана с женщинами. Мужчин-сказочников стало намного меньше (что в значительной степени связано с историческими процессами и изменением функции сказки в современном обществе). Даже так: мужчины, которые позиционируют себя как профессиональные исполнители сказок, вряд ли могут считаться профессиональными сказочниками. Их репертуар неоднороден по своему происхождению, его источниками в большой степени являются, с одной стороны, книги, фильмы, радио- и телепостановки, с другой — архивные и экспедиционные записи, научные публикации сказок. В любом случае такой репертуар не представляет собой непрерывное продолжение живой устной традиции. С другой стороны, для многих носителей традиционной сказки изменилась цель исполнения. Зачастую сказки рассказываются совсем не для развлечения слушателей или с какой-то дидактической целью, а становятся средством самоидентификации, средством утверждения принадлежности себя и своей аудитории к определённой этносоциокультурной группе и традиции. В этом случае сказка поддерживает память о прошлом и ощущение причастности к традиции.

¹² Наиболее характерным примером такого сказочника является И. Ф. Ковалёв, который узнал многие свои сказки в германском плену или по лубочным изданиям [Гофман, Минц 1941, 7–28].

Источники и материалы

Азадовский 1925 — *Азадовский М. К.* Сказки Верхнеленского края. Вып. 1: Сказки Натальи Осиповны Винокуровой. Иркутск: Восточно-сибирское отделение РГО. 1925.

Азадовский 1932 — Русская сказка. Избранные мастера / Редакция и коммент. М. Азадовского. Т. 1–2. Л.: Academia, 1932.

Азадовский 1938 — Верхнеленские сказки. Сборник М. К. Азадовского. Иркутск: ОГИЗ. 1938.

Акулов 1997 — *Акулов П. И.* Тверские сказки / Сост. Л. М. Кондаедаило, О. В. Смирнова. Тверь: Тверская обл. типография, 1997 (Тверской фольклор).

Барышникова 1939 — Сказки Анны Куприяновны Барышниковой / Вст. ст. В. А. Тонкова. Воронеж: Воронежское обл. книгоиздательство, 1939.

Боганева 2011 — *Боганева Е. М.* Мастерство классического сказительства: Лидия Михайловна Цыбульская // Живая старина. 2011. №2. С. 5–8.

Бунчук, Шевченко 2011 — Тятины сказки / Т. Н. Бунчук, Е. А. Шевченко // Живая старина. 2011. №2. С. 11–15.

Бунчук, Шевченко 2012 — Сказки из репертуара Апполинии Михайловны Соловьёвой / Т. Н. Бунчук, Е. А. Шевченко // Живая старина. 2012. №1. С. 51–54.

Гофман, Минц, 1941 — *Гофман Э. В., Минц С. И.* Вступление // Сказки И. Ф. Ковалёва / Зап. и комментировали Э. Гофман и С. Минц. М.: Искра революции, 1941 (Летописи государственного литературного музея. Кн. 11).

Гринкова 1926: 81–98 — *Гринкова Н. П.* Сказки Куприяники // Художественный фольклор. 1926. Вып. I. С. 81–98.

Добровольская 1992 — *Добровольская В. Е.* Сказочная традиция в Котельничском районе // Просёлки: литературно-краеведческий альманах №10. Котельнич, октябрь 1992. С. 3–46.

Добровольская 1999 — *Добровольская В. Е.* Сказочная традиция // Фольклор Судогодского края / Сост., вступ. ст. и комментарии В. Е. Добровольской, И. А. Морозова, В. Г. Солицкого. М.: ГРЦРФ, 1999. С. 154–177.

Добровольская 2015 — *Добровольская В. Е.* Сказочница А. И. Садовникова (Тверская область, Западнодвинский район) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 17: Фольклорные традиции в поликультурных зонах России: сб. научных статей. М.: ГРЦРФ, 2015. С. 57–69.

Добровольская 2015а — *Добровольская В. Е.* Тетрадь со сказками Брянской губернии // Живая старина. 2015. №4. С. 9–11.

Добровольская 2017 — *Добровольская В. Е.* «Папа нам рассказывал...». Сказки в репертуаре Марфы Зайцевой с фазенды Санта-Крус // Традиционная культура. 2017. №2. С. 19–27.

Зеленин 1914 — Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. СПб., 1914. (Записки РГО, Т.XLI).

Зеленин 1915 — Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915. (Записки РГО, Т.XLII).

Зеленин 2015 — Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Иваново: Роша, 2015. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т.7).

Каллиников 1917 — *Каллиников И. Ф.* Сборник сказок Орловской губернии. Орёл, 1917.

Каллиников 1915, 242–272 — *Каллиников И. Ф.* Сказочники и их сказки // Живая старина. 1915. №1–2. С. 242–272.

Кожемякина 1968 — Сказки Омской области. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной / Ред. Н. А. Каргаполов. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1968

Кожемякина 1973 — Сибирские сказки. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной / Ред. Н. А. Каргаполов. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1973.

Козырев 1912 — *Козырев Н. Г.* Семь сказок и одна легенда Псковской губернии // Живая старина. 1912. Вып. 2–4. С. 297–308.

Корепова 2012 — *Корепова К. Е.* Русская лубочная сказка. Москва: Форум, 2012. 463 с.

Королькова 1941 — Сказки А. Н. Корольковой / Зап., вступ. ст. и коммент. В. А. Тонкова. Воронеж: Обл. книжное из-во, 1941.

Королькова 1969 — Русские народные сказки. (Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой) / Сост. и отв. ред. Э. В. Померанцева. М.: Наука. 1969.

Кривополенова 1950 — *Кривополенова М. Д.* Былины, скоморошины, сказки / Ред., вступ. ст. и примеч. А. А. Морозова. Архангельск: б/и, 1950.

Лесевич 1895 — *Лесевич В. В.* Денисовский казак Чмыхало, его сказки и присказки // Мир Божий. 1895. №4. С. 9–22.

Лызлова 2011 — *Лызлова А. С.* Сказки Водлозерья: репертуар Евдокии Макаровны Лёвиной // Живая старина. 2011. №2. С. 8–11.

Лызлова 2013 — *Лызлова А. С.* О сказочной традиции Водлозерья // Сказки Водлозерья / Сост. А. Лызлова. Петрозаводск: Барбашина Е. А., 2013. С. 5–45.

Макаренко 1912 — *Макаренко А. А.* Две сказки русского населения Енисейской губернии // Живая старина. 1912. Вып. 2–4. С. 351–381.

Нечаев 1939 — Сказки М. М. Коргуева / Запись А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Т. 1; 1940, Т. 2.

Никифоров 2008 — *Никифоров А. И.* Сказка, её бытование и носители // Сказка и сказочник / Сост., вступ. ст. Е. А. Костюхина. М.: ОГИ, 2008. С. 20–69.

Ончуков 1908 — *Ончуков Н. Е.* Северные сказки / Сборник Н. Е. Ончукова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908 (Зап. Имп. РГО по Отд. этнографии. Т. 33).

Ончуков 1998 — *Ончуков Н. Е.* Дементьева Наталья Михайловна // Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн.1. С. 230.

Померанцева 1952 — Сказки Абрама Новопольцева / Ред. и вступ. ст. Э. В. Померанцевой. Куйбышев: Куйбышевское обл. гос. изд-во, 1952.

Семевский 1864 — *Семевский М. И.* Сказочник Ерофей // Отечественные записки. 1864. №2. С. 485–498.

Соколовы 1915 — Сказки и песни Белозёрского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М.: Изд. Отд. русского языка и словесности Имп. акад. наук; печ. А. И. Снегиревой, 1915.

Сороковиков-Магай 1968 — *Сороковиков-Магай Е. И.* Сказки и предания Магая / Записал Л. Е. Элиасов. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1968.

Старая погудка 1795/1 — Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Издана для любителей оных иждивением московского купца Ивана Иванова. Ч. I–III. М.: Тип. А. Решетникова, 1795.

Шастина 1991 — Сказки Дмитрия Асламова: Сборник / Сост., предисловие и комментарии Е. И. Шастиной. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1991.

Элиасов, Азадовский 1940 — Сказки Магая (Е. И. Сороковикова) / Зап. Л. Элиасова и М. Азадовского / Под общей ред. М. Азадовского. Л.: ГИХЛ, 1940.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В. Е. Добровольская orcid.org/0000-0002-2346-7493

кандидат филологических наук, заведующая сектором нематериального культурного наследия Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова: Российская Федерация, 101000, г. Москва, Сверчков пер., 8, стр. 3; e-mail: dobrovolska@inbox.ru

MEN'S FAIRY-TALE TRADITION IN RUSSIA: A FAIRY-TALE CANON AND AN INDIVIDUAL CREATIVE COMPONENT (XIX — XXI CENTURIES)

VARVARA E. DOBROVOLSKAYA

(Russian National House of Folk Arts and Amateur Creativity:
8/3 Sverchkov side street, Moscow, Russian Federation, 101000)

Summary. *The article deals with the changes that have occurred with the men's tradition of fairy tales telling. The analysis of the material shows that in the XIX century men prevailed among the storytellers. Their performing style was characterized by improvisation within the framework of the fabulous canon, and some performers went further beyond the boundaries prescribed by the genre and created their own texts, often very far from the fabulous standard. Such performing style was aimed at entertainment of a wide audience, mostly adults and often only males, which fact determined a special style of performance, including attention to detail, a kind of novelization of the fairy tale and adding details from common everyday life, attention to the psychology of the characters, etc. The core of the repertoire of these storytellers conveyed the local tradition, although there were men who included elements from other regional traditions or from books into their repertoire. At present, there are much fewer men-storytellers. A variety of storytellers telling fairy tales from the stage have emerged. Their repertoire is heterogeneous in its origin, its sources are largely, on the one hand, books, films, radio and television productions, and, on the other hand, archival and expeditionary records, scientific publications of fairy tales. Then, for many carriers of a traditional fairy tale the very purpose of performing changed. The fairy tale in this case becomes a mean of self-identification, a mean of asserting the belonging of oneself and one's audience to a certain ethno-sociocultural group and tradition.*

Key words: *fairy-tale tradition, mastery, male performance, fairy tale repertoire.*

References

- Akulov P. I.** (1997) Tverskiye skazki [Tver tales] Tver. In Russian.
- Azadovskiy M. K.** (1925) Skazki Verkhnelenskogo kraya [Tales of Verkhnelensky Krai]. Issue 1: Skazki Natali Osipovny Vinokurovoy. Irkutsk. In Russian.
- Azadovskiy M. K.** (Ed. 1932) Russkaya skazka. Izbrannyye mastera [Russian fairy tales. Selected masters] In 2. Leningrad. In Russian.
- Azadovskiy M. K.** (Ed. 1938) Verkhnelenskiye skazki. Sbornik M.K. Azadovskogo [Verkhnelensky tales. Collection of M.K. Azadovsky]. Irkutsk. In Russian.
- Boganeva E. M.** (2011) Masterstvo klassicheskogo skazitelstva: Lidiya Mikhaylovna Tsybul'skaya [Mastership of classic fairytales telling: Lidiya Mikhaylovna Tsybul'skaya] // *Zhivaya starina* [Living antiquity] Vol. 2. P. 5–8. In Russian.
- Bunchuk T. N., Shevchenko E. A.** (Ed. 2011) Tyatiny skazki [Daddy's tales] (2011) // *Zhivaya starina* [Living antiquity]. Vol. 2. P. 11–15. In Russian.
- Bunchuk T. N., Shevchenko E. A.** (Ed. 2012) — Skazki iz repertuara Appolinarii Mikhaylovny Solovyevoy [Tales from the repertoire of Appolinaria Mikhaylovna Solovyeva] // *Zhivaya starina*. [Living antiquity]. Vol. 1. P. 51–54. In Russian.
- Dobrovolskaya V. E.** (1992) Skazochnaya traditsiya v Kotelnichskom rayone [The fairy tradition in Kotelnichsky area] // *Proselki: literaturno-krayevyedcheskiy almanakh* [Country roads: literature and local history almanac]. Vol. 10. Kotelnich. P. 3–46. In Russian.
- Dobrovolskaya V. E.** (1999) Skazochnaya traditsiya [Fairy tale tradition] // *Folklor Sudogodskogo kraya* [Folklore of Sudogodskiy area] Moscow. P. 154–177. In Russian.
- Dobrovolskaya V. E.** (2015) Skazochnitsa A.I. Sadovnikova (Tverskaya oblast, Zapadnodvinskiy rayon) [Storyteller Anna Sadovnikova (Tver oblast, Zapadnodvinskogo district)] // *Slavyanskaya traditsionnaya kultura i sovremennyy mir*. Vol. 17: Folklornyye traditsii v polikulturnykh zonakh Rossii [Slavic traditional culture and modern

world. Vol. 17: Folklore traditions in multi-cultural zones of Russia]. Moscow. P. 57–69. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2015a). Tetrad so skazkami Bryanskoy gubernii [Notebook with tales of Bryansk province] // *Zhivaya starina*. [Living antiquity]. Vol. 4. P. 9–11. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2017) «Papa nam rasskazyval...». Skazki v repertuare Marfy Zaytsevoy s fazendy Santa-Krus [“Dad told us...”: Tales in the repertoire of Marfa Zaitseva from Fazenda Santa Cruz] // *Traditsionnaya kultura* [Traditional culture]. Vol. 2. P. 19–27. In Russian.

Eliasov L., Azadovskiy M. (Ed. 1940) Skazki Magaya (E.I. Sorokovikova) [Tales of Magai (E.I. Sorokovikova)]. Leningrad. In Russian.

Gofman E. V., Mints S.I. (1941) Vstupleniye [Preface] // Skazki I.F. Kovaleva [Tales of I. F. Kovalev]. Moscow. In Russian.

Grinkova N. P. (1926) Skazki Kupriyanikhi [Tales by Kupriyanikha] // *Khudozhestvennyy folklore* [Artistic folklore]. Vol. I. P. 81–98. In Russian.

Kalinnikov I. F. (1915) Skazochniki i ikh skazki [Storytellers and their tales] // *Zhivaya starina*. [Living antiquity]. Vol. 1–2. P. 242–272. In Russian.

Kalinnikov I. F. (1917) Sbornik skazok Orlovskoy gubernii [A collection of fairy tales of Oryol province]. Orel. 1917. In Russian.

Korepova K. E. (2012) Russkaya lubochnaya skazka [Russian fairy tale in *lubok*]. Moscow. 463 p.

Korovkinym I. S. (Ed. 1968) Skazki Omskoy oblasti. Zapisany I. S. Korovkinym ot A. S. Kozhemyakinoy [Tales of Omsk region. Recorded by I. S. Korovkin from A. S. Kozhemyakina]. Novosibirsk. In Russian.

Korovkinym I. S. (Ed. 1973) Sibirskiy skazki. Zapisany I. S. Korovkinym ot A. S. Kozhemyakinoy [Siberian tales. Recorded by I. S. Korovkin from A.S. Kozhemyakina]. Novosibirsk. In Russian.

Kozyrev N. G. (1912) Sem skazok i odna legenda Pskovskoy gubernii [Seven fairy tales and one legend of Pskov province] // *Zhivaya starina*. [Living antiquity]. Vol. 2–4. P. 297–308. In Russian.

Krivopolenova M. D. (1950) Byliny, skomoroshiny, skazki [Epics, *skomoroshina*, tales] Arkhangelsk. In Russian.

Lesevich V. V. (1895) Denisovskiy kazak Chmykhalo, ego skazki i priskazki [Denisov

Cossack Chmykhalo, his tales and sayings] // *Mir Bozhiy* [God's World]. Vol. 4. P. 9–22. In Russian.

Lyzlova A. S. (2011) Skazki Vodlozeria: repertuar Evdokii Makarovny Levinoy [Tales of Vodlozerie: repertoire of Evdokia Makarovny Levinoy] // *Zhivaya starina*. [Living antiquity]. Vol. 2. P. 8–11. In Russian.

Lyzlova A. S. (2013) O skazochnoy traditsii Vodlozeria [About fairy tales tradition of Vodlozerie] // Skazki Vodlozeria [Tales Of Vodlozerie]. Petrozavodsk. P. 5–45.

Makarenko A. A. (1912) Dve skazki russkogo naseleniya Eniseyskoy gubernii [Two tales of the Russian population of the Yenisei province] // *Zhivaya starina*. [Living antiquity]. Vol. 2–4. P. 351–381. In Russian.

Nechayev A. N. (1939) Skazki M.M. Korguyeva [Tales by M. M. Korguev]. Petrozavodsk. In 2. In Russian.

Nikiforov A. I. (2008) Skazka: eye bytovaniye i nositeli [Fairy tale: its existence and its carriers] // Skazka i skazochnik [The tale and the storyteller]. Moscow. P. 20–69. In Russian.

Onchukov N. E. (1908) Severnyye skazki. Sbornik N.E. Onchukova. [Northern tales. Collection of N. E. Onchukova] Saint-Petersburg. In Russian.

Onchukov N. E. (1998) Demytyeva Natalia Mikhaylovna [Demytyeva Natalia Mikhaylovna] // Severnyye skazki. Sbornik N.E. Onchukova [Northern tales. Collection of N. E. Onchukova]: In 2. Saint-Petersburg. Vol.1. P. 230. In Russian.

Pomerantseva E. V. (Ed. 1969) — Russkiye narodnyye skazki. (Skazki rasskazany voronezhskoy skazochnitsey A.N. Korolkovoy) [Russian folk tale. (Tales told by the Voronezh storyteller A.N. Korolkovoy)] Moscow. In Russian.

Pomerantseva E. V. (Ed. 1952) Skazki Abrama Novopoltseva [Tales by Abram Novopoltsev]. Kuybyshev. In Russian.

Semevskiy M. I. (1864) Skazochnik Erofey [Storyteller Erofev] // *Otechestvennyye zapiski* [Domestic notes]. Vol. 2. P. 485–498. In Russian.

Sokolovy B. & Yu. (1915) Skazki i pesni Belozerskogo kraja [Tales of the Belozerskiy region]. Moscow. In Russian.

Shastina E. I. (Ed. 1991) Skazki Dmitriya Aslamova [Tales by Dmitry Aslamov] Irkutsk. In Russian.

Sorokovikov-Magay E. I. (1968). Skazki i predaniya Magaya [Tales and legends by Magai]. Ulan-Ude. In Russian.

Staraya pogudka na novyy lad, ili Polnoye sobraniye drevnikh prostonarodnykh skazok(1795) [Old music in a new way, or a Complete collection of ancient folktales]. Moscow. In Russian.

Tonkov V. A. (Ed. 1941) Skazki A.N. Korolkovoy [Tales of A. N. Korolkova]. Voronezh. In Russian.

Tonkov V. A. (Ed. 1939) Skazki Anny Kupriyanovny Baryshnikovoy [Tales of Anna Kupriyanovna Baryshnikova]. Voronezh. In Russian.

Zelenin D. K. (Ed. 1914) Velikorusskiye skazki Permskoy gubernii. Sbornik

D. K. Zelenina [The great Russian tales of Perm province. Collection of D. K. Zelenin]. Saint-Petersburg. In Russian.

Zelenin D. K. (Ed. 1915) Velikorusskiye skazki Vyatskoy gubernii. Sbornik D.K. Zelenina. [Russian tales of Vyatskoy province. Collection of D. K. Zelenin] Petrograd, 1915. In Russian.

Zelenin D. K. (Ed. 2015) — Velikorusskiye skazki Vyatskoy gubernii. Sbornik D.K. Zelenina [The Russian tales of Vyatskoy province. Collection of D. K. Zelenin]. Ivanovo. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Dobrovolskaya V. E. orcid.org/0000-0002-2346-7493

E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Tel. +7 (903) 126-54-83

Ph.D. (Philology), head of department of intangible cultural heritage of the Russian National House of Folk Arts and Amateur Creativity 8/3, Sverchkov side street, Moscow, Russian Federation, 101000
